

Мартин Лютер

ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКИЕ ДИСПУТАЦИИ¹

Брат Мартин Лютер, магистр священной теологии, представит, а брат Леонард Байер, магистр искусств и философии, будет отстаивать нижеследующие тезисы перед августинианцами славного города Гейдельберга в обычном для этого месте. Май, 1518 г.²

Теологические тезисы³

Всецело не доверяя нашей собственной премудрости, согласно наставлению Святого Духа «Не полагайся на разум твой» (Прит. 3:5),⁴ мы смиренно представляем на суд всех тех, кто пожелал присутствовать здесь, эти теологические парадоксы, дабы их разъяснить. Ибо они были выведены, хорошо или плохо, из апостола Павла, избранного сосуда и орудия Христова, и также из святого Августина, наиболее достойного толкователя Апостола.

1. Закон Бога, наиспасительнейшее учение жизни, не может продвинуть человека на его пути к праведности, но скорее тормозит его.

¹ Перевод с латинского языка выполнен Н. В. Еремеевой по изданию: *Disputatio Heidelbergae habita. 1518 / Luthers Werke Weimar Ausgabe. T. 1. Schriften 1512/18 (einschl. Predigten, Disputationen). S. 186–218* и сверен с английским переводом: *Heidelberg Disputation / Luther's Works American Edition. Vol. 31. Career of the Reformer. I. Philadelphia: Muhlenberg Press, 1958. P. 39–70.*

² Это приблизительная дата. Диспутация на самом деле состоялась 26 апреля 1518 г. А данное представление (*Praesidebit — Respondebit*) в латинском тексте находится после всех тезисов.

³ В АЕ вначале даны тезисы, затем доказательства. В латинском варианте доказательства приведены сразу под соответствующим тезисом, а вступительное слово — после расписанных доказательств перед кратким перечнем всех тезисов.

⁴ Здесь и далее Синодальный перевод, если не указано другое.

2. Еще меньше это могут сделать дела человека, которые совершаются снова и снова с помощью естественных основ и, так сказать, ведут к концу.

3. Хотя дела человека всегда выглядят привлекательными и благими, они, тем не менее, могут быть только смертными грехами.

4. Хотя деяния Бога непривлекательны и кажутся злыми, они, тем не менее, на самом деле есть вечные добродетели.

5. Дела человека, даже и не смертные грехи (мы говорим о делах, которые благи несомненно), все же преступны.

6. Деяния Бога (мы говорим о тех, которые Он совершает через человека), даже и не добродетельные, все же не являются грехами.

7. Дела праведников будут смертными грехами, если сами праведники как смертного греха соделанного не побоятся из-за благочестивого страха Божия.

8. Сколь же много больше дела человека есть смертные грехи, когда они делаются без страха и в чистейшей порочной самоуверенности.

9. Говорить, что дела без Христа мертвы, но не гибельны, значит утверждать злонамеренный отказ от страха Божия.

10. Более того, трудно понять, как дело может быть мертво и в то же время не являться злом и смертным грехом.

11. Нельзя избежать самонадеянности или проявлять истинную надежду, пока приговор осуждения не станет остражкой в каждом деле.

12. Бог только тогда видит грехи прощенными, когда человек боится, что они суть смертные и приведут его к гибели.

13. Свободная воля после грехопадения существует только в названии, и когда она делает то, на что сама способна, она совершает смертный грех.

14. Свободная воля после грехопадения может делать добро только в подчиненном состоянии, но она всегда может совершать зло активно.

15. Ибо свободная воля не смогла остаться в невинности, и еще менее способна делать добро активно, но только в подчиненном состоянии.

16. Человек, который верит, что он может приобрести благодать, делая то, на что он сам способен, добавляет грех ко греху, так что становится вдвойне виновным.

17. Но говорить так — не значит давать повод к отчаянию, но пробудить желание смирить себя и искать милость Христову.

18. Действительно, человек должен всецело отчаяться в своих собственных возможностях, прежде чем он будет приуготовлен к принятию милости Христовой.

19. Тот человек не заслуживает называться теологом, который смотрит на невидимое Божие так, как будто бы оно может быть ясно воспринимаемо в естественном (Рим. 1:20).

20. Но тот заслуживает называться теологом, кто видимое и явленное Бога постигает через страдание и крест.

21. Теология славы называет зло благом и благо злом. Теология креста называет вещи тем, что они суть.

22. Мудрость, которая видит невидимое Божие в делах, постигаемых человеком, всецело надутая, ослепленная и бесчувственная.

23. Закон производит гнев Бога, убивает, оскорбляет, обвиняет, осуждает и выносит приговор всему, что не есть Христос (Рим. 4:15).

24. И мудрость сама по себе не есть зло, и закона не избежать; но без теологии креста человек использует лучшее наихудшим способом.

25. Не тот праведник, кто делает должное, но тот, кто без дел верит во Христа.

26. Закон говорит: «Делай это», и это никогда не может быть сделано. Благодать говорит: «Верь в это», и все уже сделано.

27. Правильно человеку следует называть работу Христа совершающей работой и наши дела совершенной работой, но такая совершенная работа угождает Богу по благодати совершающей.

28. Любовь Бога не находит, но творит то, что приятно для нее. Любовь человека формируется тем, что приятно для нее.

Философские тезисы

1. Кто без опасности для своей души желает философствовать по Аристотелю, должен сначала стать полностью безумным во Христе.

2. Ибо, как человеку не использовать зло страсти во благо, доколе не станет женатым, так человеку не философствовать во благо, доколе не станет безумным, то есть христианином.

3. Легко было Аристотелю предположить, что мир вечен, после того, как он подумал, что душа человека смертна.

4. После суждения, что есть множество субстанциальных форм, которые были восприняты сотворенными вещами, необходимо было заключить, что все они материальны.

5. Никакая вещь в мире не стала чем-то по необходимости; все же, что возникает из материи, возникает по необходимости естественно.

6. Если бы Аристотель познал абсолютное могущество Бога, он бы поддержал соответственно и то, что для материи невозможно существовать одной самой по себе.

7. Согласно Аристотелю, нет ничего бесконечного, что касается действия и даже силы и материи, хотя много вещей сотворены бесконечными.

8. Аристотель неправильно считает ущербными и высмеивает идеи Платона, которые на самом деле лучше, чем его собственные.

9. О математическом порядке вещей было искусно сказано Пифагором, но еще более искусно взаимодействие идей у Платона.

10. Диспутация Аристотеля набросилась на идею Парменида о единстве и, как бы христианину простительно будет так сказать, побила воздух.⁵

11. Если Анаксагор помещал беспредельность прежде формы, как это, кажется, он делал, то он был лучшим из философов, даже если Аристотель не испытывал желания признать это.

12. По Аристотелю кажется, что лишение, материя, форма, подвижный, неподвижный, акт, сила и так далее значат одно и то же.

⁵ 1 Кор. 9:26.

Доказательства тезисов, обсужденных в этот период в Гейдельберге, май, 1518 от Р. Х.

1

Закон Бога, наиспасительнейшее учение жизни, не может продвинуть человека на его пути к праведности, но скорее тормозит его.

Это разъяснил апостол Павел в Послании к Римлянам [3:21]: «Но ныне, независимо от закона, явилась правда Божия». Святой Августин толкует эти слова в своей книге «О духе и букве» (*De Spiritu et Littera*): «Независимо от закона, то есть без его поддержки». В Рим. [5:20] Апостол утверждает: «Закон же пришел после, и таким образом умножилось преступление»; и в Рим. [7:9] он добавляет: «Но когда пришла заповедь, грех ожил». По этой причине Апостол называет закон законом смерти и законом греха в Рим. [8:2]. Мало того, в 2 Кор. [3:6] он говорит: «буква убивает», и эту «букву» святой Августин во всей своей книге «О духе и букве» понимает как относящуюся ко всякому закону, даже к святейшему закону Бога.

2

Еще меньше это могут сделать дела человека, которые совершаются снова и снова с помощью естественных основ и, так сказать, ведут к концу.

Несмотря на то что закон Бога, который свят и непорочен, истинен, справедлив и так далее, дан человеку Богом как помощь сверх его природных сил, чтобы просвещать его и подвигать делать добро, тем не менее все же имеет место противоположное, а именно, что человек становится более порочным. Тогда как может он, опираясь только на собственные силы, без такой помощи, склониться делать добро? Если человек не делает добра с помощью извне, он будет делать его еще меньше своей собственной силой. Потому Апостол в Рим. [3:10–12] называет всех людей испорченными, негодными, нет, как он говорит, разумевающих и ищущих Бога, ибо все совратились с пути.

3

Хотя дела человека всегда выглядят привлекательными и благими, они тем не менее могут быть только смертными грехами.

Человеческие дела являются привлекательными снаружи, но внутри они нечисты, как Христос говорит о фарисеях в Матф. [23:27]. И поскольку эти дела кажутся их исполнителю и другим благими и красивыми, Христос не судит по внешнему виду, но проникает в «сердца и утробы» [Пс. 7:10]. Ибо без благодати и веры невозможно иметь чистое сердце. Деян. [15:9]: «верою очистив сердца их».

Этот тезис доказывается следующим путем. Если дела праведных людей есть грехи, как устанавливает тезис 7 данной диспутации, то это еще больше касается дел тех, кто не праведен. Справедливо говорить по поводу их дел таким образом: «И не входи в суд с рабом Твоим, потому что не оправдается перед Тобой ни один из живущих» [Пс. 142:2]. Апостол говорит подобное и в Послании к Галатам [3:10]: «А все, утверждающиеся на делах закона, находятся под клятвою». Дела же людей есть дела закона, а такое проклятие не будет налагаться на прощительные грехи. Следовательно, эти грехи суть смертные.

В-третьих, в Послании к Римлянам [2:21–22] говорится: «Как же ты, уча другого, не учишь себя самого?».⁶ Святой Августин толкует эти слова так, что такие люди суть воры, согласно их виновной совести, даже если они публично судят или наказывают других воров.

4

Хотя деяния Бога непривлекательны и кажутся злыми, они, тем не менее, на самом деле есть вечные добродетели.

То, что деяния Бога непривлекательны, ясно из сказанного в Ис. [53:2]: «и не было в Нем вида, который привлекал бы нас к Нему», и в 1 Цар. [2:6]: «Господь умерщвляет и оживляет, низводит в преисподнюю и возводит». Понятно, что это значит — Господь смиряет

⁶ Здесь необходимо продолжить цитату: «Проповедуя не красть, крадешь?».

и пугает нас значением закона и видом наших грехов, и мы выглядим в глазах людей и в наших собственных глазах как ничтожные, глупые и порочные, ибо мы на самом деле таковы. Настолько, насколько мы признаем и исповедуем это, нет в нас ни вида, ни красоты, но наша жизнь в Боге сокрытом (то есть в обнаженном доверии Его милосердию), и мы находим в самих себе грех, глупость, смерть и ад, согласно стиху из 2 Кор. [6:9–10] «нас огорчают, а мы всегда радуемся; нас почитают умершими, но вот, мы живы». И это то самое, что Исайя [28:21] называет необычайным делом Господа, которое Он может сделать, Его дело (то есть всецело смирить нас, делая нас отчаявшимися, так, чтобы Он мог возвысить нас в Своей милости, давая нам надежду), как и в Евр. [3:2] говорится: «во гневе вспомни о милости». Такой человек, следовательно, недоволен всеми своими делами, не видит их красоты, но только свою порочность. То есть он делает такие вещи, которые другим кажутся глупыми и отвратительными.

Но эта порочность рождается в нас тогда, когда Бог наказывает нас или когда мы обвиняем самих себя, как в 1 Кор. [11:31] говорится: «Ибо, если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы» Господом. Втор. [23:36] еще утверждает: «Но Господь будет судить народ Свой, и над рабами Своими умилосердится». В этом случае, следовательно, эти непривлекательные деяния, которые Бог делает в нас, а именно смирение и благочестие, суть истинно вечные, ибо смирение и страх Божий есть наша целокупная добродетель.

5

Дела человека, даже и не смертные грехи (мы говорим о делах, которые благи несомненно), все же преступны.

Ибо преступны такие дела, которые могут быть осуждены перед людьми, — прелюбодеяние, воровство, убийство, клевета и так далее. С другой стороны, смертные грехи, даже такие, которые кажутся благими деяниями, есть, по существу, плоды от худого корня и худого дерева. Августин утверждает это в четвертой книге «Против Юлиана» (*Contra Julianum*).

6

Деяния Бога (мы говорим о тех, которые Он совершает через человека), даже и не добродетельные, все же не являются грехами.

В Эккл. [7:20] мы читаем: «Нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил бы». Все же в связи с этим некоторые люди⁷ говорят, что праведный человек на самом деле грешит, но только не тогда, когда он делает добро. Такие мнения могут быть опровергнуты следующим образом: Если это правда и стих хочет сказать именно это, почему истрачено так много слов? Или Святому Духу нравится позволять себе многословный и глупый лепет? Ибо это значение могло бы быть адекватно выражено следующим: «Нет человека праведного на земле, который не грешил бы». Почему добавлено «который делал бы добро», как если бы иная персона была праведной, делая зло? Ведь нет никого, кроме праведника, кто делает добро. Тем не менее, где Он говорит о грехах, находящихся за рамками добрых дел, Он говорит так [Прит. 24:16]: «Ибо семь раз упадет праведник». Здесь Он не говорит: «семь раз упадет праведник, когда он делает добро». Вот сравнение: Если некто рубит ржавым и зазубренным топором, даже если работник этот большой силач, топор оставляет плохие, рваные, безобразные следы. Так и есть, когда Бог действует через нас.

7

Дела праведников будут смертными грехами, если сами праведники как смертного греха соделанного не побоятся из-за благочестивого страха Божия.

Это ясно из тезиса 4. Надеяться на дела, которых нужно бы бояться, равносильно тому, чтобы присваивать себе честь, забирая ее от Бога, страшиться Которого должно в каждом деле. Полностью неверно хвалить себя, наслаждаться собой в своем деле и поклоняться себе как идолу. Таким образом, тот, кто на себя уповает без страха Божиего, действует всецело в этой манере. Ибо если он имел

⁷ Прежде всего, святой Иероним.

бы страх, не уповал бы на себя, и по этой причине не хвалился бы собой, а хвалился Богом.

Во-вторых, это ясно из слов Псалмопевца [142:2]: «И не входи в суд с рабом Твоим», и Пс. [31:5]: «Я сказал: “Исповедаю Господу преступления мои”» и так далее. Ясно то, что здесь речь идет не о простительных грехах, ибо эти отрывки устанавливают, что исповедание и покаяние не необходимы для простительных грехов. Если, таким образом, это смертные грехи, и все святые⁸ молятся о них, как это утверждается здесь же, тогда дела святых есть смертные грехи. Но дела святых благи и достойны похвалы только по той причине, что они смиренно исповедают их через страх.

В-третьих, это ясно из молитвы Господней: «и прости нам долги наши» [Мф. 6:12]. Это молитва святых, и потому долги, о которых они молятся, есть добрые дела. Но то, что это смертные грехи, ясно из следующего стиха: «А если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших» [Мф. 6:15]. Заметь, что эти согрешения таковы, что если не будут прощены, то могут осудить праведников, доколе они искренне не помолются этой молитвой и не простят других.

В-четвертых, это ясно из Откр. [21:27]: «И не войдет в него [в царство небесное] ничто нечистое». Но все, что мешает вхождению в царство небесное, есть смертное (или пришлось бы толковать смертное другим путем). С другой стороны, простительный грех мешает, потому что он делает душу нечистой и не имеет места в царстве небесном. Следовательно, и так далее.

8

Сколь же много больше дела человека есть смертные грехи, когда они делаются без страха и в чистой порочной самоуверенности.

Неизбежный вывод из предшествующего тезиса это доказывает. Ибо где нет страха, там нет и смирения. Где нет смирения, там гордыня, а там, где гордыня, там гнев и суд Божий, ибо гордому Бог противится. Более того, где гордыня исчезнет, там не будет больше греха.

⁸ В Писании — праведники.

9

Говорить, что дела без Христа мертвы, но не гибельны, значит утверждать злонамеренный отказ от страха Божия.

Ибо на этом пути люди становятся уверенными и потому гордыми, что опасно. Ибо на этом пути Бог постоянно лишается славы, которая подобает Ему, но переносится на другие вещи, хотя следует стараться со всем усердием воздать Ему славу — чем скорее, тем лучше. Потому Библия советует нам: «Не медли обратиться к Господу и не откладывай со дня на день»⁹. Ведь если неприятен тот, кто отнял славу, как много больше неприятен тот, кто продолжает отнимать славу и делает это нахально! Но кто не во Христе или отошел от Него, отнимает у Него славу, и это хорошо известно.

10

Более того, трудно понять, как дело может быть мертво и в то же время не являться злом и смертным грехом.

Доказываю: Писание не говорит о мертвом в такой манере, что нечто не смертно, если все же оно мертво. И не грамматик тот, кто считает термин «мертвый» сильнее, чем «смертный». Ведь грамматики называют смертельным то, что убивает,¹⁰ мертвым же не то, что убито, а то, что не живо. Но не презирует ли Бог то, что не живо? Как написано в Прит. [15:8]: «Жертва нечестивых — мерзость пред Господом».

Во-вторых, воля должна делать что-то по отношению к такому мертвому делу, а именно либо любить, либо ненавидеть его. Воля не может ненавидеть мертвое дело, поскольку воля есть зло.

⁹ Сирах. 5:8. Вульгата содержала апокрифические книги.

¹⁰ «Смертный грех» — это выражение обозначает в Священном Писании грех, который совершается «к смерти», т. е. смертельный для души, убивающий ее для жизни вечной. Если бы переводили на современный русский язык, можно было бы писать «смертельный грех» или «гибельный грех», в отличие от «простительного греха» или «греха не к смерти». Соответственно и латинские термины *mortale* и *mortuum* — «смертельный (т. е. «смертный») и «мертвый».

Следовательно, воля любит мертвое дело, и, таким образом, она любит что-то мертвое, и этим актом сама совершает зло против Бога, Которого следовало бы ей любить и почитать в этом и каждом своем акте.

11

Нельзя избежать самонадеянности или проявлять истинную надежду, пока приговор осуждения не станет острасткой в каждом деле.

Это ясно из тезиса 4. Ибо невозможно доверять Богу, доколе не потеряет человек надежду на все тварное и не узнает, что ничего не может принести ему благо, кроме Бога. До тех пор, пока нет человека, который имеет чистую надежду, как мы сказали выше, и до тех пор, пока мы все еще надеемся на тварное, ясно, что мы должны из-за нечистоты всех этих вещей бояться суда Божиего. Потому самонадеянность должна быть отвергнута не только в акте, но еще и в намерении, ибо неприятно должно быть нам все еще надеяться на тварное.

12

Бог только тогда видит грехи прощенными, когда человек боится, что они суть смертные и приведут его к гибели.

Это становится в достаточной мере ясным из того, что было сказано. Ибо как много мы обвиняем себя, так много Бог прощает нас, согласно стиху: «Говори ты, чтоб оправдаться» [Ис. 43:26] и согласно другому: «Не дай уклониться сердцу моему к словам лукавым для извинения дел греховных» [Пс. 140:4].

13

Свободная воля после грехопадения существует только в названии, и, когда она делает то, на что сама способна, она совершает смертный грех.

Первая часть ясна, ибо воля порабощена и находится под властью греха. Не то, чтобы она и вовсе была ничем, но она не свободна от отвращения от совершения зла. Согласно Ин. [8:34, 36]: «всякий,

делающий грех, есть раб греха... Итак, если Сын освободит вас, то истинно свободны будете». Отсюда святой Августин говорит в своей книге «О духе и букве»: «Свободная воля без благодати не имеет власти ничего делать, кроме греха», и во второй книге «Против Юлиана»: «Вы называете волю свободной, но по факту она есть порабощенная воля», и во многих других местах.

Вторая часть ясна из того, что было сказано выше и из стиха в Ос. [13:9]: «Погубил ты себя, Израиль, ибо только во Мне — опора твоя!», и из сходных отрывков.

14

Свободная воля после грехопадения может делать добро только в подчиненном состоянии, но она всегда может совершать зло активно.

Это как мертвый человек способен к жизни только подчиненно, а живущий способен к смерти активно. Таким образом, свободная воля мертва, что показано через того мертвеца, которого воскресил Господь, и что святые учителя церкви говорят. Святой Августин, кроме того, подтверждает это в своих заключениях против пелагиан.

15

Ибо свободная воля не смогла остаться в невинности, и еще менее способна делать добро активно, но только в подчиненном состоянии.

Мастер Сентенций,¹¹ цитируя Августина, утверждает: «Свидетельствами очевидно продемонстрировано, что человек, когда был сотворен, получил праведную природу и добрую волю еще и как помощь, посредством которой он мог бы одержать победу. Иначе даже могло бы показаться, что он пал не по причине своей собственной вины». Он говорит об активной возможности, что, очевидно, противоречит мнению Августина в его книге «Об обвинении

¹¹ Петр Ломбардский. Кн. 2, 24, 1.

и благодати» (*De Correptione et Gratia*), где написано так: «Он обрел возможность действовать по причине воления, но не имел воления, по причине которого он мог бы действовать». Под «возможностью действовать» он понимает подчиненную возможность, и под волением, по причине которой он мог бы действовать, — активную возможность.

Вторая часть также совершенно ясна из этой же отсылки к Мастеру.

16

Человек, который верит, что он может приобрести благодать, делая то, на что он сам способен, добавляет грех ко греху, так что становится вдвойне виновным.

Нижеследующее проясняет, на основании чего это было сказано: пока человек делает, что есть в нем, он грешит и полагается на самого себя во всем. Но если он предположит, что через грех он станет достойным или приуроченным к благодати, он добавит высокомерное упование на свой грех и не будет верить, что грех есть грех, и зло есть зло, что весьма великий грех. Как в Иер. [2:13]: «Ибо два зла сделал народ Мой: Меня, источник воды живой, оставили, и высекли себе водоемы разбитые, которые не могут держать воды», то есть через грех они далеко удалились от Меня и еще полагают делать добро собственными силами.

Теперь вы спрашиваете: «Что тогда мы будем делать? Мы пойдем своей дорогой равнодушно, потому что мы ничего не можем делать, кроме греха?», и я вам отвечу: «Ни в коем случае». Но, услышав это, падите и молитесь о благодати и возложите вашу надежду на Христа, в Котором наше спасение, жизнь и воскресение. Потому нас так и учили, что закон делает нас осознающими грех, ибо, осознавая наш грех, мы можем искать и обрести благодать. Ибо Бог «смирненным дает благодать» [1 Пет. 5:5], и «кто унижает себя, тот возвысится» [Мф. 23:12]. Закон унижает, благодать возвышает. Закон производит страх и гнев, благодать производит надежду и милость. «Ибо законом познается грех» [Рим. 3:20], через знание греха,

таким образом, приходит смирение, а через смирение приобретает благодать. Так действие, которое чуждо божественной природе, приводит к действию, весьма присущему Его природе: Он делает человека грешником для того, чтобы сделать его праведником.

17

Но говорить так не значит давать повод к отчаянию, но пробудить желание смирить себя и искать милость Христову.

Это ясно из того, что было сказано, ибо, согласно Евангелию, царство небесное дается детям и смиренным [Мк. 10:14, 16] и Христос любит их. Не могут быть смиренны те, кто не осознает, что заслуживают осуждения, чей грех смердит до высокого неба. Грех осознается только через закон. И ясно, что не отчаяние, а, скорее, надежда проповедуется нами, когда мы говорим, что мы грешны. Такая проповедь рассматривает грех как приуготовление к милости, или, вернее, осознание греха и вера в такую проповедь. Сильное желание милости появляется, когда возрастает осознание греха. Больной человек ищет врача, когда он осознает серьезность своей болезни. Потому никто не называет причиной отчаяния или смерти то, что больному говорят об опасности его болезни, но, в сущности, этим его подгоняют к поиску лекарства. Говорить, что мы ничтожество и постоянно грешим, когда делаем лучшее, что есть в нас, не значит приводить людей в отчаяние (будто мы глупцы); скорее мы заставляем их побеспокоиться о благодати нашего Господа Иисуса Христа.

18

Действительно, человек должен всецело отчаяться в своих собственных возможностях, прежде чем он будет приуготовлен к принятию милости Христовой.

Закон хочет, чтобы человек отчаялся, ибо он ведет человека в ад, и делает его бедным, и показывает ему, что он грешен во всех своих делах, как апостол говорит в Рим. [2;3:9]: «ибо мы уже доказали, что, как Иудеи, так и Еллины, все под грехом». Тот же, кто при этом действует просто в согласии со своими способностями и верит, что

делает что-то хорошее, и не кажется самому себе ничтожеством, и не отчаивается в собственной силе, на самом деле так самонадеян, что борется с благодатью в надежде на собственные силы.

19

Тот человек не заслуживает называться теологом, который смотрит на невидимое Божие так, как будто бы оно может быть ясно воспринимаемо в естественном (Рим. [1:20]).

Это очевидно на примере тех, кто были «теологами» и которых Апостол назвал обезумевшими в Рим. [1:22]. Более того, невидимое Божие — это добродетель, благочестие, мудрость, справедливость, великодушие и так далее. Никто, ни достойный, ни мудрый, не постигнет всех этих вещей.

20

Но тот заслуживает называться теологом, кто видимое и явленное Бога постигает через страдание и крест.

Явленное и видимое Бога, а именно Его человеческая природа, слабость, несуразность, помещены в противоположность невидимому. Апостол в 1 Кор. [1:25] называет это немощным и немудрым Божиим. Так как люди неправильно познавали Бога через дела, Бог желает снова быть познанным в страдании. Он осуждает мудрость, которая рассматривает невидимое методами, пригодными для видимого. Это Он делает для того, чтобы не почтившие Его явленного в Его делах, почтили Его как сокрытого в Его страдании. Как Апостол сказал в 1 Кор. [1:21]: «Ибо, когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих». И теперь никто не может истинно познать Бога в Его славе и величии, доколе он не познает Его в унижении и в бесчестии креста. Ибо Бог разрушает мудрость мудрого, как говорит Ис. [45:15]: «Истинно Ты — Бог сокровенный».

Так, еще в Ин. [14:8], где Филипп говорил согласно теологии славы: «Покажи нам Отца». Христос незамедлительно прервал его воспарившую мысль о видении Бога где-то в другом месте и обратил

его к Себе Самому, говоря: «Видевший Меня видел Отца» [Ин. 14:9]. И по этой причине истинная теология и познание Бога — в распятом Христе, и как еще устанавливается в Ин. [10;14:6], «никто не приходит к Отцу, как только чрез Меня». «Я есмь дверь» [Ин. 10:9] и так далее.

21

Теология славы называет зло благом и благо злом. Теология креста называет вещи тем, что они суть.

Ясно: тот, кто не знает Христа, не знает Бога, сокрытого в страдании. Таким образом, он предпочитает дела страданию, славу кресту, силу слабости, мудрость глупости и, в общем, благо злу. Это люди, которых апостол называет «враги креста Христова» [Филипп. 3:18], ибо они ненавидят крест и страдание и любят дела и славу дел. Так, они называют благо креста злом и зло благом. Бога можно найти только в страдании и в кресте, как уже было сказано. Потому друзья креста говорят, что это крест — благо, а дела — зло, ибо через крест дела свергаются с престола, и ветхий Адам, который особенно наставлен в делах, распинается. Невозможно для человека силиться делать добрые дела, доколе он не будет унижен и разрушен страданием и злом, пока он не узнает, что он недостойный, и его дела не его, а Божии.

22

Мудрость, которая видит невидимое Божие в делах, постигаемых человеком, всецело надутая, ослепленная и бесчувственная.

Это уже было сказано. Так как люди не знают креста и ненавидят его, они с необходимостью любят противоположное, а именно мудрость, славу, силу и тому подобное. И потому они становятся все более и более ослепленными и ожесточенными такой любовью, ибо желание не может быть удовлетворено приобретением тех вещей, которые оно хочет. Совершенно так любовь к деньгам растет в пропорции к росту количества самих денег; так, больной водянкой испытывает тем большую жажду, чем больше он пьет, и поэт говорит:

«Чем больше воды они пьют, тем больше жажда томит их».¹² Та же самая мысль выражена в Эккл. [1:8]: «не насытится око зрением, не наполнится ухо слушанием». Это истинное содержание всех желаний.

Также желание знаний не удовлетворяется приобретением мудрости, но тем больше возрастает, чем их больше. Подобным образом ни желание славы не удовлетворяется приобретением славы, ни желание править — властью и авторитетом, ни желание похвалы — похвалой, и так далее, как Христос показывает в Ин. [4:13], где Он говорит: «всякий, пьющий воду сию, возраждет опять».

Лекарство для излечения желания не лежит в его удовлетворении, но в его погашении. Другими словами, тот, кто хочет стать мудрым, не ищет мудрости, возрастая в ней, но становится глупцом, нисходя в поиске безумия. Подобным образом тот, кто желает иметь большую власть, честь, удовольствие и удовлетворение во всех вещах, в большей степени должен бежать от всего этого, нежели искать власти, чести, удовольствия и удовлетворения во всех вещах. Вот мудрость, которая есть безумие мира.

23

Закон производит гнев Бога, убивает, оскорбляет, обвиняет, осуждает и выносит приговор всему, что не есть Христос (Рим. [4:15]).

Так, Гал. [3:13] устанавливает: «Христос искупил нас от клятвы закона»; и «А все, утверждающиеся на делах закона, находятся под клятвой» Гал. [3:10]; и в Рим. [4:15]: «Ибо закон производит гнев»; и Рим. [7:10]: «заповедь, данная для жизни, послужила мне к смерти»; Рим. [2:12]: «Те, которые не имея закона согрешили, вне закона и погибли». Таким образом, тот, кто хвастается, что он мудрый и наученный в законе, хвастается путаницей, своим проклятием, гневом Божиим, смертью. Так, Рим. [2:23] определяет: «Хвалишься законом».

¹² Овидий. Фасты (*Fasti*) 1, 216.

24

И мудрость сама по себе не есть зло, и закона не избежать; но без теологии креста человек использует лучшее наихудшим способом.

На самом деле закон свят [Рим. 7:12], каждый дар Бога хорош [1 Тим. 4:4], и все, что сотворено, весьма хорошо, как говорится в Быт. [1:31]. Но, как установлено выше, тот, кто не был унижен, уничтожен через крест и страдание, уповает на дела и мудрость и не доверяет Богу. Таким образом, он неправильно применяет и оскорбляет дары Бога.

Тот же, кто унижает себя самого [Филипп. 2:7] через страдания, больше не совершает дел, но знает, что Бог работает и делает все в нем. По этой причине в нем все одно и то же: он и не хвастается, если делает благие дела, и не расстраивается, если Бог не делает благих дел через него. Он знает, что его страдание имеет основание, и унижается через крест для того, чтобы стать ничтожным еще больше. Это как Христос говорит в Ин. [3:7]: «должно вам родиться свыше». Чтобы родиться свыше, нужно, следовательно, вначале умереть и затем быть воскресенным в Сыне Человеческом. Умереть, говоря я, значит близко ощутить смерть.

25

Не тот праведник, кто делает должное, но тот, кто без дел верит во Христа.

Ибо праведность Божия не приобретается посредством действий, часто повторенных, как учил Аристотель, но она сообщается через веру, ибо «праведный верою жив будет» (Рим. [1:17]), и «сердцем веруют к праведности» (Рим. [10:10]). Таким образом, я хочу, чтобы слова «без дел» были поняты следующим манером: не так, что праведный ничего не делает, но так, что его дела не делают его праведным, а, скорее, его праведность творит дела. Ибо благодать и вера даются без наших дел. После того, как они были сообщены, следуют дела. Так, Рим. [3:20] утверждает: «Потому что делами закона не оправдается пред Ним никакая плоть», и «Ибо мы признаем, что человек оправдывается верою, независимо от дел закона» (Рим.

[3:28]). Другими словами, дела никак не способствуют оправданию. Когда человек знает, что дела, которые он делает посредством такой веры, не его, но Божии, он не ищет то, чтобы стать оправданным или прославленным через них, но ищет Бога. Его оправдания верой во Христа достаточно для него. Христос есть его мудрость, праведность и так далее, как 1 Кор. [1:30] говорит, что он сам поистине может быть Христовым сосудом и инструментом.¹³

26

Закон говорит: «Делай это», и это никогда не может быть сделано. Благодать говорит: «Верь в это», и все уже сделано.

Первая часть ясна из того, что было установлено Апостолом и его толкователем, святым Августином, во многих местах. И выше-сказанным часто устанавливалось, что закон порождает гнев и помещает всех людей под клятву. Вторая часть ясна из тех же источников, ибо вера оправдывает. И закон, говорит святой Августин, приказывает то, что вера получает. Ибо через веру Христос в нас есть, Он истинно с нами. Христос уже исполнил все заповеди Бога, потому и мы исполняем все через Него с того времени, как Он сделался нашим через веру.

27

Правильно человеку следует называть работу Христа совершенной работой и наши дела совершенной работой, но такая совершенная работа угождает Богу по благодати совершающей.

С того момента, как Христос живет в нас через веру, Он побуждает нас делать добрые дела через живую веру в Его дела. Ибо дела, которые Он делает, есть исполнение заповедей Бога, которое дается и нам через веру. Если мы взираем на них, нас подвигает имитировать их. По этой причине Апостол говорит: «Итак подражайте Богу, как чада возлюбленные» [Еф. 5:1]. Так, деяния милости

¹³ В Святом Писании 1 Кор. [1:30]: «От Него и вы во Христе Иисусе, Который сделался для нас премудростью от Бога, праведностью и освящением и искуплением». В Вульгате то же.

побуждаются делами, через которые Он спас нас, как говорит святой Григорий: «Каждое деяние Христа — это наставление для нас, поистине побуждение». Если Его дела живут в нас через веру, они чрезвычайно привлекают нас, согласно стиху: «Влеки меня, мы побежим за тобою» [Песн. 1:3] к предстоящему «благовонию мастей твоих» [Песн. 1:2], то есть «Твоих дел».

28

Любовь Бога не находит, но творит то, что приятно для нее. Любовь человека формируется тем, что приятно для нее.

Вторая часть ясна и воспринята всеми философами и теологами, ибо объект любви есть ее причина, при условии, согласно Аристотелю, что вся сила души пассивна и материальна, и активна только в принятии чего-то. Этим еще раз демонстрируется, что философия Аристотеля противоречит теологии, пока во всем ищет свое и скорее, чем дает, принимает что-либо хорошее. Первая часть ясна, потому что любовь Бога, которая живет в человеке, любит грешников, злых людей, глупых и слабых для того, чтобы сделать их праведными, хорошими, мудрыми и сильными. Вместо поиска собственного блага любовь Бога внезапно изливается и дарует добро. Таким образом, грешники привлекательны потому, что они возлюблены; а не возлюблены потому, что привлекательны. По этой причине любовь человека избегает грешников и злодеев. Так, Христос говорит: «ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию» [Мф. 9:13]. Это любовь креста, рожденная крестом, которая обращается не туда, где она находит доброе, могущее доставить ей удовольствие, но где она может даровать благо плохому и нуждающемуся человеку. «Блаженнее давать, нежели принимать» [Деян. 20:35], говорит апостол. Отсюда Пс. [40:1] утверждает: «Блажен тот, кто помышляет о бедном!», ибо естественный разум не может постичь такой объект, который есть ничто, например, как бедный или нуждающийся человек, но постигает только вещи, которые существуют, такие как правда и добро. Таким образом, он судит согласно внешнему виду и уважению других людей, судит по тому, что может быть видимо, и т. д.

Объяснение тезиса 6¹⁴

Является ли воля человека вне состояния благодати свободной или, скорее, находится в подчинении и рабстве?

Тезис (Часть 1)

Вне благодати воля человека не свободна относительно действий, которые противоположны или противоречат один другому; эта воля необходимо находится в подчинении и рабстве, даже если она свободна от всякого принуждения.

Как доказательство данного тезиса должно заметить, во-первых, что противоположные действия воли есть желание и нежелание [*velle et nolle*], а также нежелание и не-нежелание [*nolle et non nolle*]; то есть в одно время она волит, а в другое, например, или не волит, или не-не волит, но пребывает нерешающей и бездейственной. Во-вторых, следует заметить, что мы говорим о свободе воли в том, что касается заслуг и нужды в заслугах. Относительно других вещей, менее важных, чем эти, я не отвергаю, что воля свободна или, скорее, считает себя свободной относительно как противоположных, так и противоречащих действий.

С этими исходными посылками как базисом, я буду теперь доказывать первую часть тезиса, что воля, без сомнения, не свободна в противоречащих действиях. Потому что, если она свободна выбирать, что ей волить, то следует, что она могла бы еще свободно предохранить себя от каждого будущего греха. Но это ложь, полностью еретическая и противоположная установлению святого Григория: «Грех, который не смыт покаянием, вскоре приведет к другому своим собственным грузом». Но если воля свободна, она может предупредить себя от того, чтобы быть приведенной к другому греху. В таком случае, если воля не может избежать влечения, она не свободна. Я могу доказать это также приведя общепринятое высказывание, что воля вне благодати не может долго выдержать без смертного

¹⁴ К тезису 6 данной диспутации эта отсылка не может быть установлена с уверенностью. «Объяснение», видимо, происходит от 1518 г. и больше иллюстрирует взгляд Лютера на свободу воли. АЕ помещает эту часть текста на данное место. В латинском тексте этого отрывка нет вовсе.

греха, следовательно, без потери своей свободы. Наконец, я могу доказать это через установление Апостола во 2 Тим. [2:25, 26]: «не даст ли им Бог... Чтобы они освободились от сети дьявола, который уловил их в свою волю». Ибо то, что они хотят и делают зло, — это воля дьявола.

Тезис (Часть 2)

То, что воля не свободна в противоположных действиях, я буду доказывать словами Господа в Быт. 8 [21]: «помышление сердца человеческого — зло от юности его». Но если оно зло во все времена, тогда оно никогда добро, противоположное злу. То, что происходит свободно и в то же время по необходимости, я докажу следующим манером: Естественная воля располагает своим волением или неволением не меньше, чем всякая естественная вещь располагает своей собственной неотъемлемой функцией, и она не более лишена своей функции, чем всякая другая вещь. Но невозможно, чтобы воление было принуждено и несвободно. Следовательно, оно свободно и неизбежно волит свободы. Таким образом, оба следующих утверждения истинны:

Падающий человек не может падать под действием своей собственной силы.

Падающий человек может не падать под действием силы другого.

Но воля без благодати, или падающая, не может не падать и не волить зла под действием собственной силы. Она способна под действием благодати Божией не пасть или остановить падение. С этим я отложу этот тезис как доказанный вкратце.

Я прихожу к следующему выводу: Так как нет ни одного праведного на земле, кто, делая добро, не грешит, неправедный человек грешит много больше и когда делает добро.

Это доказано следующими авторитетами: Во-первых, стихом Ис. [64:6]: «Все мы сделали — как нечистый, и вся праведность наша — как запачканная одежда». Если праведный нечист, как быть неправедному? И Эккл. [7:20]: «Нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил бы»; и Иак. [3:2]: «Ибо все мы

много согрешаем»; и Рим. [7:22–23]: «Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божиим; Но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих»; и Пс. [20; 31:2]¹⁵: «Блажен человек, которому Господь не вменит греха».

Вывод¹⁶

То, что праведный человек еще грешит, даже когда делает добро, ясно из следующего. Первое из стиха Эккл. [7:20]: «Нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил бы». В связи с этим тем не менее некоторые люди говорят, что праведный человек на самом деле грешит, но не когда делает добро. Их можно опровергнуть следующим манером: Если этот стих хочет сказать именно это, то зачем такой избыток слов? Или Святой Дух находит удовольствие в болтовне и глупом лепете? Ибо это можно было бы адекватно выразить следующим образом: «Нет человека праведного на земле, который не грешил бы». Почему Он добавляет «который делал бы добро», как если бы были другие праведники, которые делали бы зло? Ибо нет никого, кроме праведников, кто делает добро. Где, тем не менее, Он говорит о грехах вне области добрых дел, он говорит так [Прит. 24:16]: «Ибо семь раз упадет праведник». Он не говорит: «Ибо семь раз упадет праведник, когда делает добрые дела». Вот сравнение. Если кто-то рубит тупым и зазубренным топором, даже если работник силен, этот топор оставит плохие, рваные, неровные зарубки. Это так, когда Бог действует через нас и так далее.¹⁷

Во-вторых, из стиха апостола в Рим. [7:19]: «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю», и ниже: «Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божиим; Но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного,

¹⁵ По Писанию верна эта ссылка, а предыдущая не подтверждается.

¹⁶ В латинском тексте эта часть текста самая первая и называется «Против схоластических сентенций» (*Contra Scholasticorum sententiam*).

¹⁷ Сравнения в латинском тексте нет.

находящегося в членах моих» [Рим. 7:22–23]. Смотри, как он находит удовольствие и в то же самое время не находит удовольствия в законе Божиим; и в одно и то же время он желает добра, согласно духу, и все же не делает его, но делает противоположное. Следовательно, эта противоположность и есть определенное «нежелание», которое всегда присутствует, когда присутствует воля. Через нее он делает хорошо, через него — плохо. Это «нежелание» от плоти, а воля — от духа. Таким образом, как много греха здесь: это и нежелание, и трудность, и принуждение, и сопротивление; и как много здесь добродетели: желание, склонность, свобода, старание; ибо эти два находятся вместе в нашей целостной жизни и делах. Но если есть тотальное нежелание, это уже смертный грех и предмет отвращения. В этой жизни нет такой вещи, как тотальная воля. Потому мы постоянно грешим, хотя делаем добро, иногда меньше, иногда больше. Вот причина, почему нет праведного на земле, кто делал бы добро и не грешил бы. Такой праведник существует только на небесах. Потому, следовательно, если нет человека без такого нежелания, то он и не действует без него, и по этой причине он не без греха. Ибо как может он действовать без него, пока он не может жить без него? Писание еще говорит: «Кто может сказать: “я очистил мое сердце»» [Прит. 20:9]. Подобное Гал. [5:17] утверждает: «Ибо плоть желает противного духу, а дух — противного плоти: они друг другу противятся, так что вы не то делаете, что хотели бы», и так далее.

В-третьих, через Пс. [142:2]: «И не входи в суд с рабом Твоим, потому что не оправдается пред Тобой ни один из живущих». Здесь я спрошу: Есть ли среди живущих праведный человек, кто праведен потому, что актуально находится в состоянии прославленной добродетели? Если он среди живых, он не праведный. Ибо как было бы возможным ему не грешить в своей добродетели?

Это я докажу посредством пути рассуждения: Кто делает меньше, чем должен, грешит. Но всякий праведный человек, делая добро, делает меньше, чем он должен. Я докажу малую посылку следующим путем: Тот, кто делает добро не в полноте и совершенной любви Божией, делает меньше, чем должен. Но всякий праведник таков. Я докажу большую посылку через заповедь: «И люби

Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всеми силами твоими» и т. д. [Втор. 6:5], о которой Господь говорит в Мф. [5:18]: «ни одна йота или ни одна черта не пройдет из закона, пока не исполнится все». Таким образом, мы должны любить Бога всем сердцем, или мы согрешаем. Но малая посылка, что мы не любим Его всем сердцем, была доказана выше, ибо нежелание плоти и членов препятствует этому совершенству так, что не все члены или силы любят Бога. Это нежелание сопротивляется внутренней воле, которая любит Бога.

Но те люди говорят: «Бог не требует от нас этого совершенного исполнения закона». Я спрашиваю: От кого тогда Он требует его? От камня или дерева? Или от скота? Это ошибка, ибо устанавливается в Рим. [3:19]: «Но мы знаем, что закон, если что говорит, говорит к состоящим под законом». Таким образом, это заповедь для нас и требуется от нас. Из-за всеобщего ложного толкования следующих слов — «Бог не требует совершенства» — было распространено мнение, что нет греха, если человек делает что-то с меньшей, чем совершенная, любовью, пока Бог не требует этого и прощает. Но не потому Он прощает, что это позволено и не греховно. Если бы это было причиной, Он бы Сам изменил Свою заповедь, которая противоположна его собственному утверждению, что «ни одна йота или ни одна черта не пройдет из закона, пока не исполнится все» [Мф. 5:18].

Вот мои возражения против этого:

Во-первых, Иоанн устанавливает в своем каноническом послании, что «Всякий рожденный от Бога не делает греха» [1 Ин. 3:9]. Также Бог подал Авимелеху знак в Быт. [20:6], ибо он действовал в простоте сердца своего и, следовательно, не согрешал. В Пс. [85:2] написано: «Сохрани душу мою, ибо я благоговею пред Тобою». Есть и другие пассажи, которые могут быть применены здесь.

Я отвечаю: Каждый истинен, ибо тот, кто рожден от Бога, не грешит и все еще грешит. Возможно, даже Павел, пока не родился от Бога (Рим. 7). Или Иоанн противоречил себе самому, когда говорил: «Если говорим, что не имеем греха... истины нет в нас» [1 Ин. 1:8]? Поистине, в одном и том же деле он грешит, ибо от желания плоти; и не грешит, ибо от противоположного желания духа.

Так, вы говорите: «Как нам исполнить закон Бога?» Я отвечаю: Поскольку мы не исполняем его, потому мы грешны и непокорны Богу. И нет здесь простительного греха, согласно его виду и природе, ибо ничто нечистое не войдет в царство Божие [Откр. 21:27]. По этой причине проклят всякий грех, ведь Христос говорит, что ни йота, ни черта не пройдут, пока не исполнится все [Мф. 5:18]. Потому святой Августин совершенно правильно утверждает в главе 19 первой книги своих *Retractationes*: «Все божественные заповеди исполняются, когда ничего не прощается».¹⁸ Таким образом, заповеди Бога исполняются, когда Бог прощает по своей милости, скорее, ради нее, чем когда человек действует через свою собственную праведность, ибо милость Бога больше, чем праведность человека. Так, те люди говорят: «Бог не требует совершенства», а должны они говорить: «Бог прощает». Но кого? Тех, кто пребывают в спокойствии и не верят, что они грешат? Нисколько. Скорее, он прощает тех, кто говорит: «Прости нам грехи наши», тех, кто сознает и ненавидит свою порочность искренним сердцем, так как в Иез. [20:43] сказано: «И вспомните там о путях ваших и обо всех делах ваших, какими вы оскверняли себя», и так далее.

Что еще говорится в Пс. [31:6]: «За то помолится Тебе каждый праведник». Если он праведник, тогда он не имеет иной нечистоты, кроме той, что прощена ему в его грехе. И о чем тогда он молится? Безусловно, святой молится о грехе, который прощен, ибо он прежде всего благодарит за грех, который прощен. Тогда можно не говорить «каждый праведник», но, скорее, «каждый грешник помолится за то», если речь идет о бывших грехах. Ибо святой тот, чьи грехи прощены, и святой молится о том, что его грех прощен. Чудесное утверждение, что святой молится о прошлых грехах, не может быть разрешено с помощью глупости или плотских толкований. Пророк говорит не о себе, но о тех, кого он видел освященными и святыми через добродетель прощения грехов. И, тем не менее, он говорит о том, что они молятся о прощении, если, конечно, пророк не лжет или льстит, когда он называет святыми людей, чьи грехи не

¹⁸ Migne, PL 32, 615.

были прощены. Но тогда он бы сказал, что они молятся «за то, что могут быть прощены» или «ради прощения грехов».

Таким образом, это сладчайшая, спасающая не воображаемых, а реальных грешников праведность Бога Отца, Который поддерживает нас, несмотря на наши грехи, и принимает наши дела и наши жизни, которые все заслуживали отвержения, доколе Он не улучшил нас до совершенства и не спас нас. И доколе мы живем под защитой и в тени Его крыл, мы избегаем Его суда через Его милость, а не через нашу праведность.

Теперь удалим аргументы, которые столь мимолетны: «Одно и то же деяние не может быть допустимо и недопустимо Богом. Ибо тогда следует, что добро и не-добро могут быть в одно и то же время». Я отвечаю: Может человек в одно и то же время бояться осуждения и надеяться на милость? Я, таким образом, говорю, что каждое благое дело как допустимо, так и не-недопустимо. С другой стороны, недопустимо, а не-недопустимо то, что допустимо через прощение, как и недопустимое, менее достойное быть допустимым, Бог прощает по милосердию Своему. Таким образом, нечто недопустимо, то есть грех, до той степени, до которой оно есть деяние злого умысла плоти.

Бог тем не менее прощает грех в свое время и требует хороших дел сейчас так же, как и в будущем. Ибо нет деяния, которое Бог допускает без оговорок (таковые дела есть выдумки человеческого сердца), но Он прощает и рассматривает все наши дела. Оппоненты наши все же воображают, что здесь может быть некто, кого Он мог бы принять без прощения, но это ложь. Таким образом, когда Он прощает, Он и не допускает и не-не допускает, но Он прощает. Итак, Он допускает только Свою собственную милость в Своих делах, так что это в лице Иова, а именно праведность Христа за нас [Иов. 42:8]. Ибо вот искупительная жертва Бога, Который прощает и делает простительными наши дела, так что мы используем Его полноту вместо недостающей в нас. Ибо Он один праведность наша, с тех пор, как мы созданы по Его образу.

Я доказываю снова:

Первое: «Не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе» [Рим. 7:18]. Много менее будет жить любое доброе в тех, кто вполне есть плоть

и кровь. Апостол говорит о себе и обо всех праведных людях. Если они действуют не из себя, по благодати, и то не совершают должно, независимо от того, как много они прилагают усилий, то насколько действующие без благодати, собственными силами, не стараясь, совершают противное тому, что должны бы! Но тогда они говорят: «Правда, они делают это несовершенно, но это несовершенно не есть грех». Я отвечаю: Согласно его природе это есть грех, но на тех, кто стесняется из-за него, Бог не возлагает ответственность за него.

Второе: По Быт. [6:5; 8:21]: «Помышление сердца человеческого — зло от юности его». Здесь не говорится «помышления», а «помышление» [«все мысли»], и, что бы человек ни думал, все есть зло, потому что он ищет таких вещей, которые для него выгодны. И никто не делает по-другому без благодати Божией.

Третье: 1 Кор. [13:5]: Здесь сказано о любви только то, что она не ищет своего. Без нее, как апостол показывает в Флп. [2:21], все люди «ищут своего», а не Христова. Но поиск собственных интересов есть смертный грех.

Четвертое: Ос. [13:9]: «Погубил ты себя, Израиль, ибо только во Мне — опора твоя!» Он не говорит «праведен», но говорит — «погубил» себя. Сам по себе ты не достигнешь ничего, кроме гибели.

Пятое: «Не может дерево худое приносить плоды добрые» [Мф. 7:18].

Шестое: «Кто не со Мною, тот против Меня» [Лк. 11:23]. Но быть против Христа — это смертный грех. И не быть с Ним значит быть вне благодати.

Седьмое: «Кто не пребудет во мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают» [Ин. 15:6]. Смотри, быть вне Христа значит заслуживать огня и полностью засохнуть. В любом случае, делать чего-либо из сделанного не может быть понято как прощительный грех.

Восьмое: Не были ли неразумные девы отвергнуты [Мф. 25:1 и далее] не потому, что они не совершали дела, но потому, что не использовали в своем деле масла? Они делали хорошее само по себе, но без благодати, ибо они искали собственной славы. Человек не способен быть свободным от этого порока без благодати.

Девятое: Бог «посылает дождь на праведных и неправедных» [Мф. 5:45]. Но не праведен тот, кто не благодарит за дары Божии как полученные от Бога, а это смертный грех. Такие дела с необходимостью вне благодати.

Десятое: «Всякий, делающий грех, есть раб греха» [Ин. 8:34]. Как это возможно, что раб дьявола и пленник греха может делать что-то еще кроме греха? Как может делать дела света тот, кто во тьме? Как может делать дела мудрости человек неразумный? Как может делать дела здоровья человек больной? И больше примеров можно бы привести. Таким образом, все вещи, которые он делает, есть дела дьявола, дела греха, дела тьмы, дела неразумия.

Одиннадцатое: Если бытие человека под властью тьмы, почему же и не его деяния? Дерево под тиранией дьявола, и нельзя отрицать, что и его плоды под той же самой тиранией.

Двенадцатое: Тот стих в Пс. [93:11], который апостол приводит: «Господь знает мысли человеческие, что они суетны»; и Пс. [32:10]: «Господь разрушает советы язычников, уничтожает замыслы народов». Здесь я спрашиваю: Вы признаете, что мысли человеческие суть те, которые человек придумывает от себя? Если так, вы слышите, что они отвергнуты и не только мертвы, но и противны на суде Божиим. Если же человек их придумывает не от себя, но от злой склонности, их не называли бы мыслями человеческими. Верно и то, что советы люди дают согласно ценностям естественного разума, иначе предпочтительно было бы называть их глупостями. И если теперь Бог отвергает то, что есть мудрость человеческая; как много больше должна быть отвергнута глупость!

Тринадцатое: Прит. [3:5]: «Не полагайся на разум свой». Это понимается либо в целом, либо в частности. Если в целом, то нет максимы разума неотвергнутой или неосужденной. Если в частности, как многие думают, и иногда еще дозволено полагаться на самого себя и на собственный разум, то это против данного особенного текста.

Четырнадцатое: Если человек может делать что-нибудь хорошее от себя без греха, тогда он может и правильно воздавать себе самому славу согласно мере добра, сделанного им. Тогда он может

сказать, что он добр, мудр, силен, и плоть может гордиться пред Богом, что против Апостола, который выразительно говорит: «Хвалящийся хвались Господом» [1 Кор. 1:31].

Пятнадцатое: Пс. [80:13]: «Потому я оставил их упорству сердца их». Вот, это наказание греха, что человек оставлен милостью его сердца; таким образом, это смертный грех. Но «его сердце» еще есть на каждом пути его воли вне благодати. Иначе было бы сказано: «Я оставил их желаниям их врагов, и по замыслам их врагов они плуτούν, но не по своим собственным».

Шестнадцатое: Рим. [14:23]: «А все, что не по вере, грех». Святой Августин толкует это как относящееся к вере во Христа, хотя другие толкуют как относящееся к совести. Тем не менее, вера во Христа и есть добрая совесть, как Петр говорит: «обещание Богу доброй совести» [1 Петр 3:21], что значит, что она всецело доверяет Богу. Если же дело без веры не было бы смертным грехом, это означало бы, что Павел глубоко озаботился своим простительным грехом, что ложно, поскольку никто не может прожить без простительных грехов. Таким образом, все, что делается и происходит вне веры, есть смертный и проклятый грех, потому что это еще и противоположность совести, совести, я говорю, то есть вере во Христа, ибо тогда человек действует не в доверии Христу. Ибо не верит, что он приятен Богу, чтобы заслуживать чего-то, и все же действует в таком неверии и по такой совести.

Семнадцатое: Положение грешника можно было бы назвать лучшим, чем у праведника, ибо праведник в своем деле грешит простительно, а безбожник не грешит. Поэтому с необходимостью безбожник должен грешить больше, чем простительно. То же: «То трепещу всех страданий моих» [Иов. 9:28]. Как много больше дела безбожника вызывают трепет! И на самом деле, положение безбожника лучше, чем праведника, так как последний трепещет, а первый чувствует уверенность.

Восемнадцатое: Если благодать дается человеку, который действует согласно со своими собственными возможностями, тогда человек может знать, в благодати ли он. Это доказывается следующим путем: Человек знает, что делает от себя, или он не знает этого. Если

знает, тогда он знает, что имеет благодать, как они говорят, что благодать непременно дается тому, кто делает присущее ему. Если же он не знает этого, учение ложно и утешение исчезает. Ибо, что бы он ни делал, он не знает, делает ли он то, что есть в нем. Следовательно, он всегда остается в сомнениях.

Девятнадцатое: Возникает вопрос: Какой вид дела тот самый, который человек делает, когда он делает ему присущее? Если ни одно не может быть указано, почему учат, что человеку следует делать то, чего он не знает? Но если здесь есть такое дело, пусть будет указано. Некоторые указывают как искомое дело любить Бога превыше всех вещей.

Здесь (если я могу немного отвлечься) я говорю, во-первых: Такие учителя не относят на счет благодати Божией ничего, кроме украшения наших дел, она не может исцелить больного, но просто приукрашивает силу. Мы можем делать дела и без украшения. Так, благодать есть наиболее презируемая вещь и дар, который не необходим для нас, но существует только потому, что есть воля и намерение человека, который требует ее, как они говорят. Что, христианин будет поддерживать это богохульство? Христос, следовательно, даром умер за нас, ибо Он страдал только из-за замысла Бога. Не мы нуждались в Нем, но только замысел Бога, который и потребовал этого. Если бы мы и впрямь исполняли закон, Бог не был бы удовлетворен, пока сверх закона не взыскал бы с нас и Свою благодать. Таким образом, тут не вновь явившийся Пелагий, а богохульник похуже Пелагия. Так мы и обнаруживаем, как естественными силами Бог возлюблен превыше всех вещей, и не стыдно же было говорить «превыше всех вещей».

Но я все еще отвечаю: Если действие любви Бога делается настолько, насколько оно есть в человеке, все еще истинно то, что человек не знает, когда он любит. Таким образом, он и не знает, когда он действует от себя, и не знает, как и что он должен делать для того, чтобы действовать от себя. Или же он должен быть уверен в благодати, что, все соглашаются, невозможно.

Если вы говорите: Человеку следует стараться делать ему присущее, то я бы возразил вопросом: знает ли он, что он старается делать,

как он старается и что он должен делать для того, чтобы стараться? Если он знает это, он истинно уверен. Если он не знает этого, данное учение полностью негодно. На самом деле, либо старание и есть то же самое, что и действие, которое в человеке, и тогда возвращается прежний вопрос, либо же это нечто иное. Тогда человек не деланием ему присущего, но старанием сделать это действует. Тогда деланием своего он уже не делает своего.

Двадцатое: Давайте остановим этот бессмысленный разговор и примем во внимание опыт. Выходит, делать ему присущее человек будет, хотя бы он был сердит, раздражен, искушаем; мало того, мне следует говорить, что он может приготовить себя к очищению в том, чего он не знает. Мы сможем это увидеть, если он достигнет — я прошу, пусть он потрудится начать, а нам позвольте посмотреть, что он будет делать и чего достигать.

Двадцать первое: Если человек получает благодать деланием присущего ему, кажется невозможным, что не все или, по крайней мере, не большинство людей спасутся. Я спрашиваю: Когда человек гордится, грешит и т. д., делает он свое или это делается другим? Конечно, он сам делает это. Делает он это сам своей собственной силой? Или это делает другой и силой иной, чем его собственная? Он делает это сам, своей силой. Таким образом, если человек грешит, он делает ему присущее. И противоположное: если он делает ему присущее, он грешит.

Но здесь указано: Я говорю о человеке и о силах, которые по природе добро, а не о тех силах, которые неправильно употребляются, ибо они больны. Сотворенный человек истинно хорош, но он еще и слаб. Он не действует отдельно от своих болезней, но действует как тот, в кого проникла болезнь. Таким образом, он может делать только несовершенные вещи, даже если они благи. Он как ржавый топор, который сделан из железа, но работает только как ржавый, хотя бы и был железным.

Двадцать второе: Почему, таким образом, мы поддаемся непреодолимой злой страсти? Делай присущее тебе и не возжелай. Но ты не можешь делать так. Таким образом, ты по природе не исполняешь закон. Но если ты его не исполняешь, много меньше ты исполнишь

закон любви. Так делай же присущее тебе и не злись на того, кто оскорбляет тебя. Делай присущее тебе и не страшись опасности.

Двадцать третья: Делай присущее тебе и не бойся смерти. Я спрашиваю, какой человек не содрогнется, не отчаится перед лицом смерти? Кто не ищет спасения от нее? И уже потому, что Бог желает, чтобы мы претерпели ее, очевидно, что мы по природе любим нашу волю больше, чем волю Бога. Ибо если бы мы любили волю Бога больше, мы бы подчинились смерти с радостью, поистине мы бы рассматривали ее как пользу, так же как нами рассматривается наша собственная воля. Таким образом, мы обсуждаем вымыслы нашего воображения. Тот любит Бога меньше, чем себя, даже ненавидит Его, кто ненавидит или не любит смерть (т. е. волю Бога). Мы же все таковы. Где теперь любовь к Богу прежде всех вещей? Смотри, мы ведь не любим Бога больше, чем нашу жизнь и нашу волю. Что я тогда скажу об аде? Кто не ненавидит его?

Двадцать четвертое: Молитва Господня сама по себе есть достаточное доказательство того, что мы лишь бедные работники в своей жизни. Ибо представь кого-то, кто делает присущее ему и молится себе: «да святится имя твое, да будет воля твоя»; представь себе его, могущего святить свое имя, исполнить свою волю? Но говоря «да святится», обнаруживает, что нечисто. Говоря «да будет», обнаруживает непослушание. Но если это имеет место среди сынов Бога и святых, как много больше среди безбожников!

В году 1518.

Утверждение, касающееся Гейдельбергских диспутиаций, сделанное Лютером, очевидно, вскоре после их заключения.¹⁹

Эти тезисы обсуждались и дебатировались мною, чтобы показать, что, во-первых, софисты всех школ уклонились от мнения Аристотеля и ясно видят в работах Аристотеля, которого они не понимают, лишь свои мечтания. Далее, если мы будем придерживаться его мнения так сильно, как только возможно (как я предлагал здесь), то от этого не будет никакой выгоды для теологии

¹⁹ Этим отрывком заканчивается и латинский текст, только там отрывок приведен без подзаголовка.

и священных посланий, и даже для натуральной философии. Ибо что получилось бы относительно понимания материальных вещей, если бы вы придирались и мелочились по поводу материи, формы, движения, меры, времени — словам, воспринятым или скопированным с Аристотеля?

Философские тезисы²⁰

1

Кто без опасности для своей души желает философствовать по Аристотелю, должен сначала стать полностью безумным во Христе.

Доказываю это: Во-первых, 1 Кор. 3 [:18]: «Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтоб быть мудрым». Во-вторых, апостол говорит, что «знание надмевает» [1 Кор. 8:1]. Ибо все знания о множестве вещей, которые не способствуют спасению и не связаны с ним, во всех отношениях надмевают душу знающих, кроме только тех знаний, которые в благодати. Ибо как избранным все содействует ко благу, другим — ко злу. В-третьих, все человеческое упование, жизнь, слава, сила, мудрость не есть Христос. Христос в Боге сокрытом, потому все, что явлено, изнутри или снаружи, не есть то, на что следует человеку надеяться. Вот же то самое безумие, о котором я говорю, а именно: знать все, а Христа не знать — ибо это значит не знать ничего.²¹ И по этой же причине мы стараемся обрести знания. Ибо если не имели бы в них успеха, об иных делах не всегда смогли бы рассуждать. Иер. [9:23–24]: «да не хвалится мудрый мудростью своею... Но хвляющийся хвались тем, что разумеет и знает Меня».

²⁰ Два первых философских тезиса доказываются Лютером, но в АЕ этих текстов не приведено. В латинском варианте они помещены после доказательств тезисов теологических.

²¹ Отсылка к Еф. 3:19.

2

Ибо, как человеку не использовать зло страсти во благо, доколе не станет женатым, так человеку не философствовать во благо, доколе не станет безумным, то есть христианином.

Доказательство: Как страсть есть порочное вожделение к наслаждению, так философия есть злая любовь к знанию, если не находится в благодати Христовой. Такая философия есть зло, а не наслаждение; и страсть, и наслаждение не могут быть правильными, когда они не христианские. К тому же все силы тела и души таковы, что объект свой, т. е. благое творение Божие, вожделеют порочно. Много больше разум объект свой, а именно истину, желает порочно. И само собой, других презирает в славе своей, как и в ненависти, и так далее. Потому Иоанн не одобряет не сами плотские глаза или жизнь, но похоть плоти, похоть очей и гордость житейскую [1 Ин. 2:16]. Потому философствовать вне Христа — словно вне брака предаваться разврату, что не должно совершать, но тварный человек совершает.